

Москва, новости - 1992. - 2 июня - с. 23

ПАМЯТЬ ЕСТЬ. ДЕЛО ЗА ПАМЯТНИКОМ

ЮБИЛЕЙ

Идет год столетия Марины. К этой дате приурочено открытие мемориального музея в бывшем Борисоглебском (ул. Писемского, д. 6), намечаются торжества в музее на Волхонке, которому наконец присвоено имя его создателя профессора Ивана Владимировича Цветаева, осталось увековечить память ее — достойным памятником — в городе, где она родилась и прожила большую часть жизни.

И такой памятник, над которым 14 лет работала скульптор Рина Бадова, готов, и я, сестра Марины, его одобряю. О нем пишет Георгий Ковальчук.

Анастасия ЦВЕТАЕВА на 98-м году жизни.

Отравленные привычкой не высовываться, заверченные в суете сует, мы не замечаем очевидного: в Москве все меньше памятников и все больше пьедесталов. Спрашивается, для каких временщиков? Ненужного мы «навоздвигали», необходимое разрушили. Разнообразие ради не воссоздать ли что-нибудь путное, сообразное с вечным, непреходящим?

Москва многим обязана Цветаевым и, как показывает время, без них себя не мыслит. В сентябре исполняется столетие Марины Ивановны. С легкостью щедро протянутой руки скульптор Рина Бадова предлагает фигуру поэта в гипсе. Что мешает ее воплотить, установить?

Бадова окончила Суриковский институт в 1948 году в классе А.Т. Матвеева, она участница многих всесоюзных и республиканских выставок. Ее работы помещены в московском музее А.С.Пушкина, стоят в Иркутске, Краснодаре, Якутске.

К лепке портретов Марины Ивановны скульптор приступила в 1966 году. С недавних пор решается показывать портрет из серого гранита и двухметровую гипсовую фигуру в полный рост, в которой поэтично сплавлены личность и сюжет, образ конкретного человека с божественной сутью поэзии. Всякий, имеющий глаза и память, взглянув на скульптуру, вспомнит «выправленный прикладом и статью шаг», «безмер-

ность в мире мер», «даль, добытую ногами» на земле нескладной, ибо родилась не вовремя, «мимо родилась»... Быть затравленными — доля великих, лучших. И прекрасно, что именно так пропела Бадова скульптурный гимн великому поэту.

А чтобы не заподозрили меня в предвзятости суждения, сошлюсь на признание скупой на похвалы скульптора Н.И. Нисс-Гольдман, усмотревшей в фигуре Марины Ивановны, исполненной Бадовой, воплощение закона, по которому соразмерность соответствует гармонии мира.

В стенах мастерской «ода пешему ходу» словно в заточении. Поэты, провидцы, защитники народа необходимы улицам, чтобы не оставалось место случайному, проходимцам.

А воплотится фигура в долговечный материал (любителям литых форм должна быть памятна известная обмолвка — «из серого камня гляди, моя слава») установить бы ее лицом, шагом к Кремлю, музею на Волхонке, Москве-реке, подчеркнув направлением возврат ручья в воды России. Цветаевы так искренне желали земле родной красы, благополучия, успеха. Любили любовью обездоленных и сирот — не за сытость, а за забытость.

И пусть стоит, живет среди берез, рябин, на уровне повыше тротуара, ибо опущены глаза: «Я тоже была, прохожий. Прохожий, оста-

новись!»

Другое место обнаружил днями по подсказке А.И. Цветаевой и сражен меткостью попадания. На стыке Благовещенского, Трехпрудного переулков и улицы Жолтовского есть площадка, заставляющая человека в сутолоке улиц искать дерево, зелень, статую, а обнаружив, остановиться. На этом перекрестке невыразимая особость русского разбавлена колючим, строгим германским духом, витающим в треуголках крыш посольства Уругвая и кирхообразной столовой Гуманитарной академии вооруженных сил. Чем не Фрейбург? (Где учились Марина и Анастасия Цветаевы). Да, именно здесь место поэту в камне! Приподнять над суетой, серым асфальтом и, наклонив, придать парение.

По скромным подсчетам Бадовой, фигура в камне обойдется в мизерную сумму. Помочь соглашались писатели и благотворительный фонд «Возрождение в дом — «Отчий». Но этого мало: финансовая поддержка необходима. Больше месяца без движения лежит в Моссовете обращение деятелей культуры с просьбой увековечить память великого поэта.

Остается напомнить слова Марины Цветаевой: «Купить меня можно — только всем небом в себе. Небом, в котором мне, может быть, даже не будет места».

Георгий КОВАЛЬЧУК